

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 87 (403)

12 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

М. ГОРЬКИЙ
ЖИЗНЬ
КЛИМА САНГИНА

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Три тома романа Горького «Жизнь Клима Самгина» выпущены издательством «Советская литература». Роман издан в хорошем оформлении, с иллюстрациями художников Кукрыниных. Мы приводим здесь рисунок с переплочки и первому тому.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

♦ САМАРА. В доме М. Ю. Лермонтова в селе Тарханых Чембарского района открывается музей, библиотека и пункт отдыха для туристов. Пензенское архивное бюро передает музею документы о жизни поэта в Пензу (Роста).
♦ В Биробиджан выезжает бригада художников в составе Львова, Горшмана, Гершаника, Штеплера и Зейна. Из работ художников будет создана выставка «Биробиджан в живописи» (Роста).
♦ Вчера на открытие совхозно-колхозного филмала Малого театра в селе Земетично выехала специальная делегация. В составе делегации начальник УТЗП т. Аркадьев, директор Малого театра тов. Амагпобели, нар. арт. Климов, засл. арт. Остужев, драматург Б. Ромашов и представители газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советское искусство» и «Вечерняя Москва». Филмал начинает свою работу показом спектакля «Ревизор».

Дневник Литературной газеты

12 ИЮЛЯ

По инициативе Алексея Максимовича Горького организуется сейчас коллектив советских писателей для создания книги «Люди пятилетки». Работа над этой книгой приобретает исключительное значение в деле развития всей советской литературы. Принципы и методы работы авторского коллектива над книгой «Люди пятилетки» коренным образом отличаются от принципов и методов коллективных работ над книгами типа «Беломорской», «Люди Сталинградского тракторного» и др. В этих книгах утрачены индивидуальные особенности стиля художника, выветриваются присущие часто только данному художнику приемы и методы художественной обработки и творческого преображения материала. Это замечание отнюдь не значит, что такие работы не нужны, что они не играют никакой роли в деле отображения величайших, всемирно-исторического значения процессов, проходящих в нашей стране. Наоборот. Такие книги, помимо своей огромной познавательной ценности, являются прекрасным материалом для величайших художественных обобщений. Работа над созданием этих книг дает огромнейший творческий опыт не только самим авторам этих книг, но и всей советской литературе.

Однако наша литература, являясь самой передовой литературой в мире, Литературой, несущей всему человечеству неисчислимые богатства плаи Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, отстают от жизни. Наша действительность богаче, многообразнее, ярче, умнее, нежели она воплощена в художественной литературе.

Работа авторского коллектива над книгой «Люди пятилетки» должна, как в фокусе, собрать все многообразие типов эпохи величайшего из периодов в истории человечества, людей, рожденных пролетарской революцией, прошедших прекрасную школу первой пятилетки и напрягающих во второй все свои силы для окончательного уничтожения классов и ликвидирующих в корне причины, порождающие возможность эксплуатации одного человека другим.

Книга «Люди пятилетки» это не книга художественных очерков. Это не книга о конкретных людях, о конкретных героях — таково то, таковы те (ими рек), награжденном орденом Ленина или Красной звездой, хотя совсем не отбрасывается и такая возможность. Это книга полных, полнокровных художественных произведений, будь то рассказы, повесть, очерк, сохраняющих все многообразие и богатство стилевых и пр. особенностей, присущих данному художнику. Но это и не альманах, в котором случайно подобраны отрывки из случайных произведений.

На собраниях авторского коллектива будут обсуждаться заявки, замыслы, наметки типов, ситуаций, идей художественных произведений каждого из участников. Эта работа не будет носить юбилейно-уадного характера. Это очередная каждого из Участников коллектива органическая художественная работа. Этой работе он будет уделять основное внимание, ибо это есть его не побочная, а главная творческая работа.

В работе коллектива авторов книги «Люди пятилетки» будут принимать участие в качестве консультантов крупнейшие специалисты в области науки, техники и основные руководящие общественно-политические деятели. Галлонные бригады поэтики по новостройкам, колхозам и совхозам в работе этого коллектива не будут иметь места. Писатель, работающий над своей темой, ходит в продолжительную командировку на нужный ему объект строительства, включается в непосредственную общественно-производственную работу в качестве активного работника, а не экскурсанта.

Советская литературная общественность начиная с А. М. Горького придает исключительное значение этому началу. Ибо это начало открывает новые пути в развитии советской литературы и создает конкретные условия для перехода всей нашей литературы в новый, более высокий, класс. Максимальное внимание, активная помощь, полное творческое участие в работе над книгой «Люди пятилетки» со стороны всех писателей обеспечит высокое качество книги, так необходимой нашей стране.

Вопрос о профессиональной добросовестности писателя поставлен Б. Пильняком в его последней книге «Камни и корни» весьма современно. Тем более, что материал для обсуждения этого вопроса является и сама книга.

Книга сделана в месяц и пять дней, как о том сообщает читателю автор. Сделана она так: взяты куски из старой книги Пильняка «Корни японского солнца» и снабжены комментариями. В них обильно процитированы японские газеты, роман японского писателя Тойохико Кагава, заметки из записной книжки и письма, которые писал Пильняк из Японии знакомым. Все это соединено без всякого желания сделать соединение органическим. И предположено читателю в виде новой книги со следующим названием:

«Читатель! Тысячи Пильняка состоят из цитат «Корней» и комментариев к ним. Если вам, читатель, цитаты «Корней» покажутся более «поэтичными» и «акциональными», стыдитесь, читатель, и вместе с писателем позаволось о грамотности».

Есть основания полагать, что цитаты «Корней» не покажутся читателю более «поэтичными», чем комментарии к ним. Но с трудом догадываюсь, приведенного выше, читатель пожелает узнать, для чего Пильняк вынул эту книгу, являющую собой странное сочетание самодовольства и самоунижения и не сообщившую почти ничего нового о Японии.

Пильняк предвзят этот вопрос и в своей книге отвечает на него следующим образом:

«Пильняк уничтожает свои «Корни»...»

Здесь читатель робко заметит, что слова «за счет» не вполне выражают мысль, которую автору, но Пильняк, не дослушав, будет продолжать свои доводы:

«Это нужно сделать во имя уважения профессии писателя. Это нужно сделать во имя уважения к Японии» (стр. 51).

Итак, для того чтобы уничтожить одну неверную свою книгу, Пильняк пишет другую, наполовину состоящую из отрывков первой и наполовину из публицистических, статистических и цитатных комментариев к ней.

Правильнее было бы, разумеется, написать новую книгу. Но материал для новой книги у Пильняка недостаточен. И поэтому в месяц с небольшим фабрикуется «Камни и корни», долженствующие поправить традиционную красивую Японию «Корней японского солнца» сообщениями о лишениях японских пролетариев и крестьян и газетными вырезками о политической борьбе, совершающейся в правящих кругах современной Японии.

В одном из своих комментариев Пильняк сравнивает работу писателя с работой геолога. Он устанавливает, что она столь же ответственна, предлагает писателям повышать свою квалификацию, требует от писателя осведомленности и профессиональной добросовестности. И с этой точки зрения пересматривает «Корни японского солнца».

Будем думать, что «Камни и корни» в отношении осведомленности автора о предмете повествования — книга более благополучная, чем «Корни японского солнца». Но профессиональная добросовестность писателя не исчерпывается его осведомленностью. В случае, подобном тому, какой произошел с Пильняком, писателю в религию с признанием своих ошибок не должно вырастать до размеров книги. Книгу нельзя делать на материале, достаточном лишь для письма в редакцию. И прилагать к этому должна в первую очередь профессиональная писательская добросовестность.

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ? БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

А. СОЛЬЦ

Две замечательные книги

— По моему, писатели в большинстве своем недостаточно хорошо знают нашу жизнь и недостаточно глубоко осмысливают ее. На эту тему можно было бы говорить много и подробно. Но сейчас мне хочется сказать о двух книгах. Это замечательные книги, и замечательны они тем, что ставят основные вопросы нашей действительности.
Первая из них — «День второй» Эренбурга. Эренбург показывает, как свершаются у нас величайшие дела. Он не закрывает глаза на трудности, он расцвет их ярко, эти трудности, заключенные в и обстановке, и в людях. Люди не превращаются в безупречных героев, лишенных всяких сомнений, слабостей и недостатков. Это обыкновенные люди. Но как-то тяжелые, какие суровые препятствия преодолевают они и какие постоянные гигантские результаты берет их работа!
Весь так было с Челюскинцами. Ни один из них не походит на традиционный образ героя. Тоже обыкновенные люди. Но эти обыкновенные люди оказались достойными сынами своей страны, они действовали коллективно. И победили. Так побежда-

А. ДОВЖЕНКО

Разговор по душам

Хорошо, если бы писатели были безогляды, океанографами, судейскими следователями, большими физиками, математиками, капитанами многих морей и океанов, садовниками или Шолоховыми. Гете до глубокой старости занимался науками. Полное знание даже одной какой-либо отрасли дало бы крепчайшую опору в литературном творчестве.

Жизнь так уже обогатилась, что некоторых писателей не о чем писать. Не похоже. Меньше. Мелче. Писать многому учиться и много писать, чтобы немного написать. Нет искусства значительнее и выше советской литературы. С какой силой и с каким мужественным волнением нужно нести ее знания!

Хорошо, если бы не было писателей санаторий, писательских жилищов и распределителей. Если бы писатели не находились ежедневно друг другу, а встречались порою, а сядоватее и поучаще. И шедо дарили один другому лучшие впечатления от пройденных различных дорог.

Я полагаю, что наше правительство слишком много заботится о писателях. Некоторых это расслабляет. Сегодня писателю еще нужно жить немного хуже, т. е. я хотел сказать лучше.

Признаю талант. По можно устыдиться таланта, но подкрепленного овладением культуры прошлого и усвоением марксистско-ленинской философии. Поистине положим на талант печать знания. Знание кажется, полуданностью — это самые большие враги писателей. Благодаря полуданности некоторые невольно кажутся даже невежественными.

Мы часто слышим на диспутах, как заклинание, произносимое за одним из участников: содержание и форма неотделимы друг от друга. Очень хорошо. А если форма и содержание не совпадают? Тогда, как правило, содержание страдает от формы. И приходится говорить о них раздельно. Много ли в нашей литературе талантливых писателей? Много. Много ли мастеров? Нет. Огромная работа предстоит растущим писателям, и особенно в вопросах формы, достойной великого содержания нашей страны. Я верю, что очень уж скоро появятся писатели, которые по-своему повторят многократно фигурирование в нашей литературе темы и тексты заставят невиданным блеском.

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ

Недавно в Чебоксарах состоялся съезд Союза советских писателей Чувашии.
После постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля чувашская литература чрезвычайно оживилась. Следует указать на имена Максимовича-Носинского «Садур и Илем» и П. Осипова «Ночное путешествие». Устойчивые на первом конкурсе художественной литературы вторых премий, писцу Мранныя «Хорошо жвется» и поэма Хузангая «Магнитогорск» (3-я премия) и Упп Мишиш «Последние штормы».

На провиндения чувашских писателей в большинстве случаев сводятся к схематизму. Исключения не составляют даже таких крупных чувашских писателей, как Шубосынни. Так, например, в последнем его произведении «Пара» перечисляется ряд фактов, почти ничем не связанных и буквально утомяющих читателя. То же самое можно сказать о произведении Краснова-Асли «Тавалла».

ем мы всюду, на всех участках нашей работы и борьбы.
Следует понять вот что: для нас нет уже неразрешимых, непосильных задач. Ибо мы работаем, боремся коллективно, а коллектив не арифметическая сумма сил, но нечто неизмеримо большее. Когда наша страна, действуя как единый коллектив, впервые в истории целесообразно направляет свои усилия и ведомая великой коммунистической партией, ставит себе любую задачу, то можно заранее сказать, что задача эта будет разрешена. Мы — единственная страна в мире, которой по силам все. Значение книги Эренбурга в том, что она и показывает это в ярких художественных образах.
Вторая книга — «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского. Если Эренбург показывает, как люди, соединяясь в коллектив, безгранично умножают свою общую силу, то Бруно Ясенский показывает, как коллектив умножает силы каждого из его участников, как поднимаются, растут люди в коллективе.
Было время — оно не так давно еще было, но кажется отдаленным от нас едва ли не столетиями, — было

Между прочим я и потому еще за большое количество книг у писателя, что выработка языка — дело долгих лет, как выработка совершенной линии у художника.

— Приход писателя в кино? Тут следовало так мало, что надо не подводить итоги, а говорить о характере работы. Подлинный советский писатель раньше мог еще оставаться равнодушным к кино. Но сейчас, когда вооружился словом, кино может быть только или мощным соратником литературы или ее врагом. Следует отказаться от взгляда на кино как на искусство сорта чуть пониже. Написать хороший сценарий не менее трудно, чем написать хорошую повесть. Поэтому нужна серьезная работа писателя в кино. Кстати, мне кажется, неправильно не принимать сценаристов в союз советских писателей.

И в заключение: почему отстали от жизни многие крупные раньше творческие работники? Они мыслят сценариями, которые им предстоит осуществить, у них нет цели творческой линии. Даже великие живописцы прошлого оставались в истории как мыслители, крупные люди своей эпохи, раньше всего, а потом уже как колориты, мастера композиции и т. д. Художнику нашего времени нужно чувство историзма, необычайно сильное сейчас, как это показала встреча челоукинцев, и среднего советского человека. Между тем писатели занимаются популяризации опубликованных и даже осуществленных директив, что, конечно, весьма нужное дело. Но в мире нет таких возможностей для расточного предвидения, как у нас, а как мало его в литературе.

Уважаю А. Толстого за трудолюбие и эрудицию в «Петре II. Люболю Бабеля и Эренбурга за культуру.

Люблю и ценю Вишневского за мужество, за страстное стремление к совершенствованию в новой форме, за его любовь ко всему растущему в литературе.

Ценю Панферова. Панферов — писатель с перспективой, если у него хватит мудрости сделать практические выводы на критику. Да, Речь идет об образовании пресловутой «мужичьей стихийной силы» и о языке. О языке я, быть может, не скажу ничего нового. В статьях Горького я нахожу блестящее выражение давно чувствованного мною.

Наш рабочий и колхозник гигантски выросли культурно и политически. Но их язык остался на сегодня. Здесь вот писатель и выступает в роли переводчика. Представьте себе, что иностранец пришел на советское предприятие и разговаривает с рабочим через умного, культурного переводчика. Переводчик невольно вложит мысль рабочего лучше, чем выразил бы ее сам рабочий. И мысль будет не извращена, но подучит свое настоящее звучание. Панферов же, как лухой переводчик, влезает в шкуру крестьянина, пытается говорить его крестьянскими словами. Это неправильно и вредно. Сто лет потратили писатели на опинение языка, и вдруг как будто раскрылся язык и весь мусор посыпался обратно. Ну, язык мысли. Такой язык при всей его внешней невозрачности в «Егоре Буачеве».

Письмо М. Горького П. Васильеву

Я не стал бы отвечать Вам, Павел Васильев, если б не думал, что Вы писали искренно и уверенно в силе Вашей воли. Если этой воли хватит Вам для того, чтоб Вы серьезно отнеслись к недоминному дарованию Вашему, — которое — как подросток — требует внимательного воспитания, если это случится, тогда Вы, наверное, войдете в советскую литературу как большой и своеобразный поэт.

О поведении Вашем говорили так громко, писали мне так часто, что я должен был упомянуть о Вас, — в числе прочих, как Вы знаете. Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, — охранять литературу Советов от засорения фоксунскими слова, хулиганскими, халтурными и вообще паразитскими. Это — не очень

легкая и очень неприятная работа. Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковом или резком слове — то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а хуже. Так было в случае с Панферовым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панферова зарычали, заляли даже те люди, которые еще накануне хвалили его. Этим двоюродных, беспринципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнуснейшие лицемерие, изгонять из литературы так же, как всякого, кто так или иначе компрометирует советскую литературу, внося в нее всякую дрянь и грязь

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Ваша статья «О литературных заблуждах» подняла важный и неотложный вопрос о быте писателя.

И хочу, Алексей Максимович, сослаться Вам, какое впечатление эта статья произвела на меня и о чем заставила задуматься.

Советская общественность не раз предостерегала меня от хулиганства и лебезительства, которые я «великодушно» прощал себе. Но только Ваша статья заставила меня очнуться и взглянуть на свой быт не сквозь розовые очки самовлюбленности, а так, как полагается — вдумчиво и серьезно.

Стыдно и позорно было бы мне, Алексей Максимович, если бы я не нашел в себе мужества сказать, что, да, действительно такое мое хулиганство на фоне героического строительства, охватившего страну, и при условии задач, которые стоят перед советской литературой, — является не «случайным вписом», а политическим фактором. От этого хулиганства, как правильно Вы выразились, до фашизма расстояние короче воробьиного носа. И плохо, если здесь главный обвинитель будет советская общественность, а не я сам. Ибо ни партия, ни страна не потерпят, чтобы за их спиной лебезили и компрометировали советскую литературу.

ру отдельные распоясавшиеся писатели.

Не время! Мы строим не «Стоило Петаса», в литературу, достойную нашей великой страны.

И Вы, Алексей Максимович, поступили глубоко правильно, ударив по мне и по тем, кто следовал моему печальному примеру.

Скандаль, а оказывал влияние на отдельных поэтов из рабочего молодняка, как например, на Смялякова. Я думаю, что Ваша статья отбросила их охоту к дальнейшим подражаниям и кроме пользы ничего не принесла.

Мне же нужно круто порвать с прошлым. Я прошу Вас, Алексей Максимович, считать, что этим письмом я обязываюсь раз и навсегда прекратить скандалы и завоевать право называться советским поэтом.

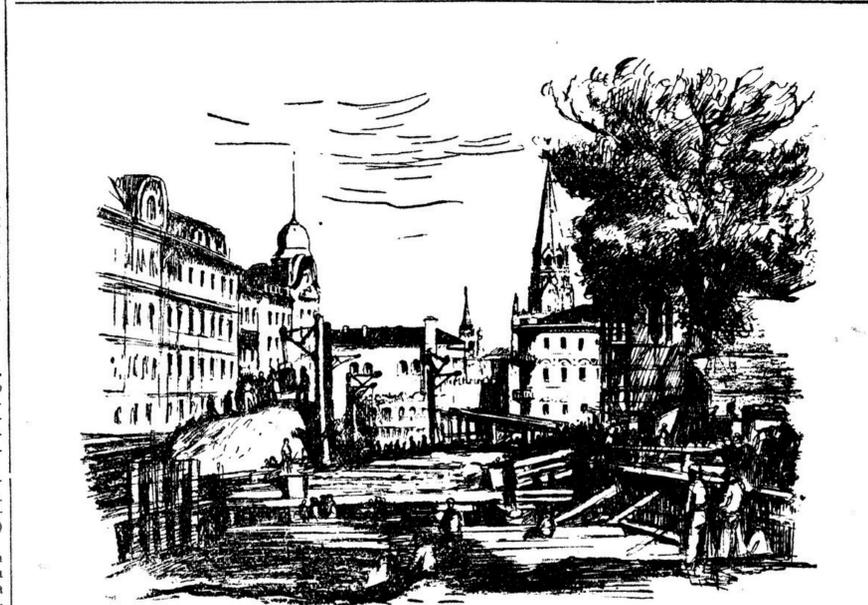
Алексей Максимович! Мне, конечно, трудно рассчитывать на Ваше доверие. Но, так как, я повторяю, я пишу это письмо с полной искренностью, я хотел бы прибавить ко всему сказанному еще несколько слов:

имея значительные идеологические срывы в своих произведениях, а никогда не являлся и не буду являться врагом советской власти.

Это — независимо от мнения «полюбноиков» моего таланта и его врагов.

Это — я не раз докажу на деле.

Павел ВАСИЛЬЕВ.

Москва
Строительство метро. Шахта № 31-32 по улице Маркса и Энгельса. Работа открытым способом

Репертуар и ТЕАТР

Галактион Табидзе Из книги „Эпоха“

ДВА РОМАНА

Репертуару принадлежит решающее значение в определении содержания театрального искусства, его идейно-политического воздействия. Много раз подчеркивавшаяся позиция о ведущей роли драматургии не следует понимать в смысле умаления своеобразия и самостоятельности театрального мастерства. Пьеса ведет двойную жизнь — литературную и сценическую. Сценическое исполнение есть всегда в какой-то мере интерпретация пьесы. Театр может усилить основную идею пьесы, но не может и ослабить ее. Театр не слепая, не косная форма, не граммофон, автоматически исполняющий поставленную пластинку. Театральная интерпретация пьесы может даже вступить в конфликт с ее смыслом. Однако существует известный предел театральной интерпретации, за которым театр уже не интерпретирует, а разрушает исполняемую пьесу. Так, «Гамлет» в театре Вахтангова это уже не «Гамлет» Шекспира, а новое — и надо сознаться — неудачное произведение, созданное произвольной комбинацией элементов, полученных от механического раздробления шекспировского «Гамлета». Так нередко Мейерхольд ломал ставившие им пьесы, сделав в последнее время почему-то исключение для «Дамы с камелиями». Наличие предела театральной интерпретации показывает смысловую зависимость спектакля от пьесы, лишней раз показывает ведущую роль драматургии в театре.

Репертуар имеет решающее значение для определения классового и политического смысла театрального искусства. Характер социально-политического воспитательного воздействия театра на сознание людей определяется в первую очередь репертуаром. Историческая роль театра в классовой борьбе рождалась и решалась прежде всего характером исполняемых пьес. Классовая борьба в театре и за театр принимала и принимает прежде всего форму борьбы за репертуар. Буржуазия, создавая свой театр, принесла на полноты взамен аристократической и ложно-классической трагедии мешанко-сенсационную драму. У нас в России проникновение на сцену буржуазных влияний прочно связано с именем Островского. Общественно-политическая линия в драматургии Островского связана с пьесами Горького. «Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был А. М. Горький», — рассказывает Станиславский. Эпоха реакции после поражения революции 1905 г. принесла свои настроения и свою идеологию в театр в значительной степени через пьесы Леонида Андреева.

Даже Мейерхольд, который впоследствии стал рассматривать драматургию как подчиненный режиссеру несамостоятельный элемент спектакля, в свое время понимал зависимость своих дореволюционных театральных исканий от мистического и религиозного содержания драматургии символизма.

«Новый театр», — писал он, — вырастает из литературы. В ломке драматургических форм всегда была своя интимная литература. Чехов написал «Чайку» раньше, чем появился Художественный театр, поставивший ее. Вагнер и Метерлинк — раньше, чем их театры. Ибсен, «Зорн» Верхарна, «Земля» Брюсова, «Тантал» Вяч. Иванова — где театры, которые могли бы их поставить? Литература подсказывает театру. Подсказывают не только дра-

матургии, которые дают образцы новой формы, требующей иной техники, но и критика, которая отвергает старые формы.

Только эстетически самодовольный театр, театр реакционного отвлечения от общественно-политического служения и театр бегства от жизни эпохи упадка буржуазного искусства отрицал роль драматургии в вышеизложенном смысле. Так, Таиров, создавая Камерный театр первоначально как театр самодовольной «эмоциональной формы», считал идеалом отказ от идейно-смысловых рамок пьесы во имя замены ее спеларием как материалом для «чистой» эстетической игры.

Свою положительную роль в деле социалистического просвещения масс театр может выполнять только при помощи соответствующего репертуара. Вот почему неслучайно в театре Вахтангова не может удовлетворить хороший репертуар «вообще». Вот почему неслучайно для театра только классический репертуар. Классика не может не составлять неотъемлемую часть репертуара каждого советского театра, но советский театр не может существовать без современных революционных пьес. Резкое преобладание классики в театре может явиться результатом или политического инфантилизма, «нейтральности» по отношению к живым общественно-политическим вопросам или же отчасти недостаточности современного репертуара.

В последнем случае, в случае отсутствия или нехватки общественно-актуального репертуара, театр, желая жить в согласии с современностью, прибегает к различного рода суррогатам. Вахтангов, перейдя на сторону революции, совершенно естественно захотел дать новому зрителю революционный спектакль. Так как драматургия революции еще не успела тогда создать нового репертуара, Вахтангов решил показать свою старую работу — «Чудо Св. Антония» Метерлинка. Но если он раньше ставил «Чудо Св. Антония» с ласковой улыбкой объективного наблюдателя, то во второй раз он ставит как общественную сатиру.

«Новое отношение к объекту сатиры становится новым содержанием спектакля», — пишет об этом Завава, — «прежняя «судьба» обернулась сарказмом, ласковая ирония — сатирическим смехом, бытовая комедия стала звучать как трагический фарс».

«Чудо Св. Антония» в первой редакции выявляло содержание, данное автором. Второй же вариант заключает в себе уже иное, новое содержание, которое дал спектаклю Вахтангов. Средством его выявления являлась новая театральная форма: театральные гротеск».

«Он имел новую пьесу, Вахтангов ставил на сцене новое отношение к старой пьесе. Это был некоторый

временный выход, но выход опасный, ибо игра актеров, приходя в столкновение со смыслом образа, разрешала это противоречие при помощи формального приема, подчас даже трюка. Превеличайшее же значение, приписываемое формальному приему, таит в себе опасность задержки на формальных позициях по пути к социалистическому реализму. В театре Вахтангова это обстоятельство сказывалось раньше, отчасти сказывается еще и сейчас.

Иные режиссеры прибегали (и прибегают) не к игре «отношения», а просто к переложке пьесы или к наспешной прозаической прозаизации. Получающийся результат можно характеризовать следующими перефразированными словами Гегеля: «сколько бы ни прибавляла жареной кошки в кашу из дычи». Никакие суррогаты не могли и не могут заменить полноценного нового революционного социалистического репертуара. Суррогаты эти, несмотря на всю их неизбежность, на определенную период задерживали и задерживают выработку полноценного реалистического стиля. Наилучшим способом проявления театром его общественной революционной целеустремленности является постановка революционных пьес. Вахтанговцы поняли это, работая на «Виринию» Сейфулловой, первой советской пьесой о революционной деревне. «Теперь уже не было надобности», — рассказывает Завава, — «потому что им уже зрелище рассматривать содержание, данное автором, так или иначе видоизменяя это содержание средствами театральной интерпретации. Идеология автора и идеология театра совпали. Ирония, гротеско-сатирическое заострение формы, обогащение театрального приема — все это теперь оказалось бы неуместным. Пьесе нужно было ставить «всерьез»».

Для создания советского социалистического театра необходимо было создать советский социалистический репертуар. Без этого, собственно говоря, и шагу нельзя было ступить. Выход находился там, где для своего времени его видел Руссо: «Я вижу», — говорил он, — «лишь одно средство против всех этих недостатков. Нужно нам самим писать пьесы для нашего театра и нужно иметь авторов раньше, чем актеров».

Советская литература уже давно вступила на этот путь, путь создания революционного социалистического репертуара.

Советская литература одержала на этом пути уже немало побед.

Успехи советского театра, его популярность в массах неразрывно связаны с новым репертуаром, созданным советскими писателями.

В. КИРПОТИН.

С глазами холоднее стали темной
Не ступай, смотря в былое снова,
Зачем себя большим поэтом поминать,
Когда живешь несчастием любовью.

Стиха ль коснешься, волосы ль опра-
внешь,

Огнешься ль молчишь, и
Посуду ты в казанки ногу ставишь
Уж окружен, уже ограбен злостью.
Не лучше ли стать разбойником —

и тут же,
Чтоб динамит на песню бросил теми,
Чем выносить не по заслугам дружбу,
Залупанную в петли оскорбления.

С глазами холоднее стали темной
Не ступай, смотря в былое снова,
Зачем себя большим поэтом поминать,
Когда живешь несчастием любовью.

Опять настанет зра, может, скоро,
Что мировой войной назовется,
Опять над нами зашумят моторы,
И на людей тяжелый газ прольется.

Он предпочтет, поэт, собрать все
вместе

В пространство улетишь частицы
Людей, громов событий, — все он
авестит

И в урагана быстроту включится.

Обвалы снова загремят, нахмурясь,
Ударят волны по дорогам песни.
Глаза в глаза поэт посмотрит бурю,
И взгляды друг от друга не отвести

им.
Им там стоять и мучиться и мучить
При полной невозможности рас-
статься.

Но уже жоматся ответы на тучах
Тех лучших солнц, чья очередь яв-
ляться.

И новый гром над головой войны,
Я вижу революции движенье,
Простой бойд или кусок луны
И земле несется, не сдержав паденья.

Одно лишь чувство с тем паденьем
схоже,
Оно полно, как эта небо томя,
Борьбу, предвосхищенную однажды.

Перед чьим дрожаньем эпохе этой новой
Лишь в день победы подвиг будет
кончен.

Нет, я тобой как мир не завоеван,
Тебя я нес в себе, как сердце, прочно!

Перевел с грузинского
Н. ТИХОНОВ

«ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК»
СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1934 г.

В издательстве «СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» выходит «ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК».

Худ. С. БИГОС и заставки к стихотворениям И. Сельвинского «Охота на нерпу», С. Олендера «Шарманка», В. Инбер «Переулоч моего имени», И. Деметиева «Таня», Л. Лаврова «Вступление» работы С. БИГОС и М. ПОЛЯКОВА (граверы на дереве).

В Азово-Черноморском издательстве вышли книги советских писателей: А. Бусыгина «Семья Бессергеевых» и Гр. Шолохова-Синявского «Крути». Различные по степени значимости и литературной зрелости, они заслуживают внимания и по содержанию творческого роста молодых кадров советской литературы. Написанные на разном материале романы А. Бусыгина и Гр. Шолохова-Синявского (напечатаны пока первые части обеих книг) объединены темой прошлого, темой дореволюционного социально-бытового уклада деревенских и городских трудовых слоев края, чью жизнь и борьбу рисуют оба автора.

«Семья Бессергеевых» — художественная иллюстрация к истории пролетариата, вернее, к истории роста самосознания тех слоев, которые пополняли ряды рабочего класса. Разорившаяся в деревне крестьянская семья Бессергеевых приходит в город, вчерашние крестьяне становятся пролетариями. Труден и сложен этот процесс превращения мелких собственников в сознательных представителей самого революционного и передового класса. Именно об этом в первую очередь говорит образ Степана Бессергеева, который мечтает между отцом Михаилом Бессергеевым и рабочим-революционером Митей. Образы отца и сына Бессергеевых, как и вообще страницы, посвященные им, наиболее интересны в романе. Человек сильной воли и патриархальных взглядов, старый Бессергеев смотрит на городских людей с осуждением. Михаила Бессергеева тянет назад в деревню, к хозяйству, к священной мелкой собственности, вне которой жизнь лишена смысла. Сын Степан понимает, что назад дороги нет. Робою и на словах соглашаясь с отцом, не смея возразить ему, Степан все же чувствует, что гораздо ближе ему не собственные идеалы отца, а убеждения и мысли Мити.

Конфликт между отцом и сыном нарисован Бусыгиным убедительно и правдиво, но нам кажется, что влияние старика-отца на сына несколько преувеличено. Нужно учесть то обстоятельство, что старик Бессергеев появляется в городе уже после того, как Степан прожил в среде городских рабочих пять лет, и что город и пролетарское окружение в какой-то мере расшатали устои деревенского мировоззрения Степана.

Трудно, конечно, по первой части романа сказать, как дальше развоятся его основные сюжетные линии, его основная идея, но главное, на что надо обратить внимание писателя, это необходимость глубже и убедительнее психологически мотивировать поступки и поведение своих героев.

Наиболее удачны те страницы романа, которые посвящены изображению человеческого материала, хорошо изученного автором. Типы рабочих, типы крестьян во много пре-

восходят, например, бледные, мало-выразительные и даже примитивные фигуры полковника Иванова и его жены. Рабочий быт знаком А. Бусыгину гораздо лучше, и несколько ярких штрихов, рисующих социально-психологический облик рабочего класса, убедительно характеризуют психологию шкурника и раба, идущего против интересов своего класса.

Нельзя назвать образ рабочего Гордолова, бунтаря, протестанта, но не революционера. Он полон невинности к мастерам, хозяевам, во всем начальникам вообще, но протест его носит по существу отрицательный характер.

Лучше всего удается Бусыгину зарисовка фактов, бытовых сцен и картин и меньше — динамика психологических переживаний, переход героя романа от одного психологического состояния к другому. Пишет А. Бусыгин простым, ясным, языком, в книге нередки научные описания, верно схваченные детали картин природы, особенности речи действующих лиц, метко рисующие их психологические лагуны, допущенные автором и, к сожалению, не замеченные ее редактором.

Нельзя писать: «мысли блудили в голове» или о другом герое: «он жевал ее глазами». Неправильно построена в другом месте фраза, произнесенная Ивановой: «С другой стороны, роль старика Бессергеева звучит местами слишком по-городски в отрывке не способует большей яркости образа. Есть в книге А. Бусыгина и следы провинциализма», но в основе своей словесный строй романа заслуживает положительной оценки.

В отношении языка существенные возражения вызывает интересный и талантливый роман «Крути» Гр. Шолохова-Синявского.

Если А. Бусыгина знают читатели и за пределами Азово-Черноморского края, то Гр. Шолохов-Синявский менее известен, хотя бы уж потому, что наши центральные издательства предельно невнимательны к творчеству молодых писателей, работающих в провинции».

Недостатки романа прежде всего в том, что книга в изрядной степени перегружена местными речениями, плохо понятными читателю не только за пределами, но и в пределах б. Северокавказского края.

Даже название романа («Крути»), на наш взгляд, могло бы быть заменено другим, более понятным и выразительным. Обилие местных слов и искаженных терминов вроде многочисленных «барыжат», «вазакнуль», «сбогунать», «выстачать», «наривать», «дунуль глазами» и т. д. и т. п. только затрудняют чтение этой интересной и содержательной книги, выбавок «украшенной» неизмеримым количеством опечаток.

Роман «Крути» изображает дореволюционные условия жизни и борь-

бу бедняков-инородцев с богатыми казачеством на Дону. Крути — рыбаки-браконьеры, охотники за рыбой в запрещенных, заповедных местах. Жизнь, полная опасностей, — за крутиями «спихра» (полицейский охотник, как за зверями, — выковыривал сильные, могучие характеры, тяжкие социально-бытовые условия жизни и система угнетений и преследований инородной бедноты обострила классовые противоречия и накаливала в низах взрывчатый материал огромной силы.

Ценность романа Гр. Шолохова-Синявского в том, что он правдиво показывает дореволюционную жизнь Дона, классовую борьбу на Дону и процессы классовой борьбы в среде казачества также. Самый материал, выветренный Шолоховым-Синявским, является новым материалом, не освещенным, кажется, и в дореволюционной литературе.

«Крути» хорошо и убедительно показаны союз богатых инородцев с казачьей верхушкой и складывающаяся близость и взаимопонимание между новыми слоями инородцев и казачества. Гр. Шолохов выводит на страницах романа целую галерею портретов хитингов (Полякин, Шаров, Коротыков, Шаратов, Селанов), живших эксплоатацией тех, за кем охотились речная полиция и казачья верхушка. Яркие и научные в романе образы крутильских вожakov — Егора и его сына Анисима. Они художественно наиболее сильные в романе.

Гр. Шолохов несколько не приукрашивает своих героев. Он не приписывает им идеалов и стремлений, не свойственных их мировоззрению и интересам.

Егор и его сын Анисим, потом и кровью отстаивая право на жизнь, так и не выходят из круга мелко-собственнической идеологии. Смелый и решительный Анисим, который, несмотря на молодость, после смерти отца становится вожакom крутильских ватаги, мечтает о том, чтобы выделиться в люди и стать хозяином. Даже неукротимая ненависть к богатым казакам и прасолом еще не поднимает его над этим уровнем собственнических представлений. И только к концу романа, когда Анисим Карнаухов перед арестом смотрит на трубы таганрогских заводов, он впервые задумывается над тем, что еще очень мало знает жизнь и способен ее улучшить.

«Ясным и понятным было одно — рыба, гирля, личная нехватка к людям, мелюющим ему жить... Дальше темень непроглядная... Закрыты пути, и неизвестно, как пробраться к ним, кто откроет их... Вот песня, ветер, вешний с моря и пахнувший снегом, — это потоп».

Тонко и правдиво намечает автор путь, вернее, возможность выхода Анисима в эти закрытые путем, и вторая часть романа должна показать, что пережил Анисим вместе с другими крутильскими, посаженный в тюрьму за убийство речных полицейских.

Гр. Шолохову-Синявскому надо основательно поработать над языком романа, убрать мусор искаженных и ненужных слов и оставить местные речения только в той степени, в какой это необходимо для правдивой характеристики образов. Но Гр. Шолохову не надо говорить языком своих героев там, где на сцену выступает автор, который должен пользоваться более совершенным и более глубоким словесным материалом.

Произведения А. Бусыгина и Гр. Шолохова-Синявского безусловно заслуживают внимания литературной критики и широких читательских масс.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

СТИХОТВОРЕНИЯ Я. СМЕЛЯКОВА

Е. ТРОЩЕНКО

«Я стою среди вас нездешний
И не в силах плое вас забыть»
(Я. Смеляков, «Прощанье»).

Я. Смеляков начинал вместе с целой группой молодежи, искавшей лирического выражения для новой темы — темы стройки, труда, пятилетки. Так появилась первая книжка «Работа и любовь» и примыкающие к ней стихи под названием «Начало». Во всех этих стихотворениях есть поэтические моменты, в целом же большинство этих стихов, по сути дела, есть лишь ученическая проба обшей темы. Взять хотя бы стихотворение «Смех» и «Страх». Оба они поэтически более по интонации, по способу произведения, нежели по внутренней структуре и содержанию. Но есть в них и моменты характерные. Это та навязная, восторженная скоротечность, переланная с некоторой шутливостью, которая составляет отличительную черту первых стихов Смелякова и которой как бы оправдываются маленькие вельюсти, бессмыслицы, встречающиеся то тут, то там в разных стихах.

Давайте смеяться!
Да здравствует небо.
Да здравствует фонтан
Заварного хлеба.
Да здравствует радость,
Да здравствуют звезды,
Да здравствует этот
Талантливый воздух.
Да здравствует
Утренняя газета,
Да здравствует
Клубная проткваша.
Да здравствует то,
И да здравствует это.
Да здравствует все.
Что действительно наше!..

В строках этого образ героя, черты которого даны разрозненно в

отдельных стихах и который полнее всего обрисован в стихотворении «Начало поэмы». Это стихотворение юноша, восторженный, чувствительный и честный, чей молодой и наивный пафос Смеляков записывает шуткою. Отталкивание от мещанства, от дома, от быта, от «комнат»:

Они обычны. Они зашпаны спимками мамы,
Когда ей еще воемсалнать было,
Когда она с палой в фате стояла.
(«Начало поэмы»)

и стремление утвердить себя в новом, молодом поколении строителей и работников советской страны — вот серьезная тема и реальная жизненная проблема этого героя.

Все первые стихи Смелякова показывают, что у него имеются кое-какие живые наблюдения заводского быта, обстановки труда. Но от этих наблюдений до поэзии еще далеко. Достаточно сравнить, например, описание кухни в стихотворении «Над Москвой летят иррижаби» и описания пеха в стихотворении «Дождь».

Первое — поэтично, второе — лишь красноречиво. Или, например, мысленный городской пейзаж, то, что видно из окна пеха, в стихотворении «Смерть бригадира» —

Плывет в лодках по реке
Московская любовь,
И высоко вдалеке
Валетает вольбей.
По скверу робовый старик
Провисит карасей.
Бегут ребята. И летит
Крышная карусель

и те несколько бедных и общих выражений, которые относятся к описанию работы в том же стихотворении.

Со станками и моторами у Смелякова дело вообще не ладится: «курносый мотор», «плачущие станки», «молчаливый мотор», «горячий мотор» — это или плохо или мало выразительно. Но есть у него и несколько живых, связанных с трудом впечатлений, которые он почувствовал. Так передана обстановка срочной ночной работы в типографии над «посевной книгой»: «это довольно прохладно, но очень слышно и пельно» — стихотворение.

Это да еще несколько таких же

бедных, разрозненных впечатлений да то общее чувство подъема, роста, расцвета всей жизни в советской стране, которое совпадает с опущением молодости, с предчувствием необыкновенных и волнующих перспектив. — Вот собственно и все, чем обладал Смеляков для выражения новой темы.

В первых стихах Смелякова есть довольно заметное влияние Светлова. Это касается той связи юности с лиризмом, которое более всего характеризует Светлова. Смеляков старается усвоить прием Светлова — излагать что-либо кратко и значительно как бы в шутку, но так, чтобы читатель понимал, что на самом деле все это очень серьезно. У Светлова этот прием выработался из своеобразного противоречия манере Гейне. Гейне снижает «высокое» до низкого и обходного и тем разоблачает «высокое». Светлов пользуется «низким» и обходным, чтобы воспеть высокое. Смеляков также выбирает для наиболее патетических своих стихотворений ситуации гейневские, обходные, и выбор этот часто не лишен остроумия. Юмор и наблюдательность есть у Смелякова и в самых средствах выражения, в эпитете, в метафоре. Но, к сожалению, дело отнюдь не ограничилось одним Светловым. То тут, то там в некоторых стихах проскальзывает Заболоцкий.

Юмор, легкий иронический оттенок своим стихотворениям, нужен ему еще и как своеобразная страховка, как средство самозащиты. И это связано с тем же образом героя, о котором говорилось вначале. Рисую этого восторженного и чувствительного подростка, Смеляков хочет в представлении читателя несколько отодвинуть от себя слегка насмешливым к нему отношением. Происходит это оттого, что Смеляков, отпуская к своему герою с кровной симпатией, чувствует все же некоторую неуверенность и сомневается в том, можно ли его поднять на плит.

Вот, например, стихотворение «Любка Фейдальман» — оно также записано иронией с расчетом на то, чтобы вызвать и улыбку и сочувствие; все же, глядяще, это довольно

трогательный мальчик, отнесется к нему с симпатией, выдите, как он молод и открытен. И если все это и отажд несколько мнѣшеством, не будем относиться к этому всерьез, будем снисходительны. Так полушутливо, полусерьезно обитрано в этом стихотворении маленькое любовное несчастье героя.

Смеляков отнюдь умеет передать и возраст своего героя и психологию возраста и делает это не без кокетства.

И здесь хотелось бы сделать одно замечание.

Безымянный, Светлов, Жаров, Голыдный — они тоже давали образ своего поколения в первых юношеских своих стихах. Это же также очень молодой герой комсомолец. Однако в нем не было той умилной детворитой подросточности, тех черт недоросля, которые обнаруживает герой Смелякова. Дело здесь, как мы кажется, в одном очень важном обстоятельстве.

Если мы вспомним тип комсомольского героя и в литературе и в кино, то ощущение молодости не появилось, то ощущение революции. Во всем еще юноша, а в том, что касается революции, взрослый. Он жил, боролся и умерал за революцию раньше со взрослыми. Герой же Смелякова — это типичный несовершеннолетний: он еще ни за что не отвечает. И если он в чем-либо взрослый, то это та преждевременная душевная зрелость, которая порождает безволие, легкость и слабость чувства, легко переходящие в утомление и пресыщенность. Последние стихи Смелякова очень хорошо показывают, как прост этот переход: на место чувства — чувствительность, на место действия — впечатлительность. Вот что получилось у Смелякова во всех последних стихах. Поэзия эта, конечно, отнюдь не выражает центральной фигуры своего поколения, нового молодого поколения строителей и борцов. Смеляков лишь относится к этому поколению, примыкает к нему, жавет в его орбите, и поэзия его вышла не из крепких и глубоких связей с рево-

люцией и социалистической действительностью, не из связей борьбы и работы, а из быта, из того поверхностного и сплошь и рядом неосознанного участия в советских формах жизни, которые характеризует известные слои молодежи.

В последних стихах Смелякова обращает на себя внимание их форма, поэтическая манера, которую он выработал очень быстро в двух-трех стихотворениях и которая многим кажется оригинальной и самостоятельной. На самом деле эта манера находится в самой тесной связи с некоторыми современными и наиболее изощренными течениями в буржуазном искусстве.

Только хронологический ряд протекновения в субъекте впечатлений, своего рода поточная система восприятия мира, отказ от выяснения объективной зависимости фактов и предметов друг от друга и перенос этой связи во внутрь воспринимающего субъекта (вытекающие отсюда отказ от мысленности в искусстве и установка на чистое описание, на простую видимость явлений), что как раз характеризует не только вулгарную науку, но и «вулгарное» искусство.

Не так давно у нас проходила дискуссия по поводу влияния этого направления на советскую поэзу, но с большим основанием можно говорить об этом влиянии в нашей поэзии, примером чему может служить не только такой поэт, как Лавров, но и совсем молодой Смеляков, который с удивительной жалостью воспринимает и усваивает эту манеру.

Главный прием, которым пользуется Смеляков во всех последних стихах, — это прием перечисления, когда рядом ставится множество предметов, все равно каких и все равно в каком порядке. Стихотворение «Про товарища» является в этом отношении как бы программным. В этом стихотворении Смеляков хочет передать движение жизни и связь человека со всем окружающим. И вот человек идет по дороге:

Через северную роль,
Мимо жнейки,
Мимо жатки,
Мимо женщины идешь.

Посреди першавой маты,
Посреди подневных снов,
Мимо будки,
Мимо хаты,
Мимо мокрого халата
И сатиновых штанов.

Читатель уже вполне представил себе картину путешествия пешком по сельской местности. Но у Смелякова все это не просто. У него это, так сказать, искусство, принцип, и с максимальной навязчивостью, немного переодухнув, он продолжает:

Мимо окон окопешных
Ты упрямо держишь путь,
Мимо левочки, присевшей
На минутку отдохнуть.
Мимо перья,
Сбоку потных,
Некрасивых стариков,
Мимо сумрачных животных
И железных пегузов,
Мимо разных публикаций,
Мимо тына,
Мимо тени,
Мимо запаха акаций
И обломанной сирени.

Затем небольшая передышка — и снова то же самое до того момента, пока герой этого путешествия (это индийский по советскому делу командированный) не превращается постепенно в какое-то дунатическое видение, в некую мистическую душу своего этого пейзажа, после чего его убивают кулаки.

В другом стихотворении «Ну, как мне, дедушка, грустить о том, что ты ушла?» тот же случайный ряд разрозненных существительных. Внешним поводом к этому служит воспоминание о путешествии, и мысль этого стихотворения в том, что поэт в своем ощущении, представлении владеет целым миром, так что грустить о том, что «ушла девочка», действительно не приходится.

Тот же количественный прием и в стихотворении «Дом № 31».

То же и в стихотворении «Прощанье».

И в последнем стихотворении «Прощанье» и в других у Смелякова есть претензия на то, чтобы выразить этим путем связь человека со всем миром, дать непрерывное движение жизни, картину, так сказать, диалектически тетушки мира. В стихотворении «Про товарища» он говорит:

Так включившийся в движение,
Некрасивый и рабой,
Ты проходишь с наслажденьем
Мир,
Во всех его явлениях
Понимаемый тобой.

Ничего не может быть более дилектово, чем это смеляковское «мимо тына, мимо тени, мимо разных публикаций».

Связь человека с целой действительностью отнюдь не состоит в его способности схватить массу случайных фактов в свое ощущение. Связь человека с целым миром, со всей жизнью осуществляется через труд, через революционную борьбу, через деятельность. Искусство, которому поражают сейчас Смеляков, выражает не революционное и трудовое, а пассивное и потребительское отношение к действительности.

Стихотворение «Прощанье», последнее стихотворение Смелякова, хорошо показывает тот сланг, который произошел у Смелякова и по линии содержания. Если в первых стихах он чувствовал свою хотя и поверхностную, но живую связь с людьми работы и борьбы, то теперь связь эта почти утрачена, она стала призрачной, нереальной («я стою среди вас нездешний»), теперь это какие-то далекие романтические строители, как причудливые видения встающие в разстроенном воображении поэта. Действительность тоже потеряла границы, распалась, расплылась во впечатления, и поэт стоит перед ней как безвольный мечтатель, печальный и утомленный провожатый.

В стихотворении «Начало поэмы» Смеляков писал:

И так я таскаю (всучуэный,
блѣдный)

Себя. И смотрю за всем, и за
всѣм.

Это было мало для начала и уж совсем недостаточным для продолжения. Я. Смеляков, будучи человеком несомненно очень даровитым, мог бы вырасти в настоящего поэта, если бы не бедность и крайняя расплывчатость содержания и не декадентские формы, от которого Смеляков может и должен освободиться.

ТРИ ПЬЕСЫ

В Нью-Йорке изданы отдельными книгами три пьесы, вышедшие за последние сезоны...

«Табачная дорога» — повесть о разорившихся фермерах в штате Джорджия...

ЛИТЕРАТУРА ОДНОГО ШТАТА

В издательстве Артур Кларк Компани в Глендейле (Калифорния) вышел интересный сборник...

1 См. «Литературную газету» № 71.

Одна из наиболее показательных черт варварства национал-социализма в области культуры...

Особенно бросается в глаза такое опустошение в области литературы...

Этот реализм был, конечно, как по своему содержанию, так и по своей форме более чем проблематичен...

В нашей предыдущей статье мы уже указывали на то, до чего довела писателя Фалалау политические и литературные условия...

Саломон — воинствующий националист. Он принимал активное участие в подготовке убийства Ратенау...

ТВОРЧЕСТВО ЭРНСТА ФОН САЛОМОНА

Георг Лукас

Мне «Опальные» он дает подробное автобиографическое изображение первого периода германской революции...

Этот роман интересен совсем не только с точки зрения художественной точки зрения...

Творческим методом Саломона является построенный на новой вещественности — роман фактов...

Саломон не единственный писатель этой мелкобуржуазной бунтарской литературы...

Он выражает собой контрреволюционное мировоззрение, создающееся из традиций широких слоев германской мелкобуржуазии...

Эта теория, которая в достаточной мере соответствует также началу творчества Саломона...

Притягательная сила этого романтически повествовательного творчества метода мелкобуржуазной литературы эпохи послевоенного империализма...

буржуа стоит между буржуазией и пролетариатом, колеблется безостановочно между путями симпатий к революции...

Эта грань мировоззрения и творческого метода Саломона в значительной мере влияет на ценность его романа...

Он выражает собой контрреволюционное мировоззрение, создающееся из традиций широких слоев германской мелкобуржуазии...

Этот путанный идеализм, нашедший широкое распространение в слоях немецкой мелкобуржуазии...

«Мы же, которые боролись под старыми знаменами, мы спасли родину от хаоса...» — прости нас, боже...

Эпоха Носке, Вальтера, Верхняя Силезия и т. д. поселил в Саломоне его герою глубокую ненависть против германского капитализма...

Этот путанный идеализм, нашедший широкое распространение в слоях немецкой мелкобуржуазии...

Такое печальное развитие творчества писателя, который раньше при всей своей путанице мог все-таки належать на то, что он когда-нибудь все же пробьется к ясности мировоззрения...

тельному результату. Они не дали ему ни ясности, ни настоящего решения.

Его новый роман «Калеты», написанный и опубликованный уже в «третьей империи»...

Эпоха Носке, Вальтера, Верхняя Силезия и т. д. поселил в Саломоне его герою глубокую ненависть против германского капитализма...

Читателью ясного Саломона является вульгарным апологическим продуктом восхваления прусской военной системы...

Таким образом, развитие творчества писателя, который раньше при всей своей путанице мог все-таки належать на то, что он когда-нибудь все же пробьется к ясности мировоззрения...

Л. Черноморцев «ТАИГА»

Черноморцев знает и любит Сибирь так, как ее может знать и любить только тот, кто в ней родился и вырос...

Ты сохранил шкуру по рукам. От купцов ходила к казакам. У царя лежала горюстка...

Ощущением этим окрашены все элементы творчества поэта: восприятие природы и людей, выбор тем и способ их поэтического воплощения...

Иногда вкус и такт покидают Черноморцева, и тогда читатель оказывается вынужденным читать такие неуклюжие и тусклые строки:

Не жертвенной кровью — черными вымаралами вымарала...

ГПХЛ, 1934, тир. 3000, стр. 80, п. 1 р. 25 к.

По московским переулкам, кривым и узким, они возвращаются из музея. Ржавые листья устилают пыльные плиты тротуара...

Розовые ответы делают лицо Шатерникова совсем молодым. В пятьдесят лет он ступает по вывороченным камням легко...

Ксения думает, что вот до сих пор он вкладывает в понятие «дар» некое метафизическое содержание...

Он уверяет, что получить цветок, сорванный в поле, — все равно, что драгоценный ювелир из Персии или князь из собраний библиофила...

Ксения вспоминает, как он вынул из кармана столько денег, сколько при нем было, и давал займы человеку, хоть раз высказавшему ряд суждений, верных на его взгляд...

Он благодетельствовал, считая неисчерпаемыми свои собственные альтруистические силы, и подарки всегда были для него пафосом человеческих отношений...

Ксения вспоминает, как он вынул из кармана столько денег, сколько при нем было, и давал займы человеку, хоть раз высказавшему ряд суждений, верных на его взгляд...

Никакое маревое мистических курений не помогло мыслителю установить хотя бы еще туманные очертания грозной истины...

Для Ксении образ Корейки был раскрыт не столь сильными эрудитскими и в другой совершенно своеобразной формулировке.

Однажды она сидела в бель-этаже на представлении великой шекспировской трагедии. Два юнца переи

ЛЮБОВЬ КОПЫЛОВА

ОДЕЯЛО ИЗ ЛОСКУТЬЕВ

Главное действующее лицо романа «Одеяло из лоскутьев» Ксения Шербакова по своему происхождению принадлежит к пролетарской среде...

После спектакля, протискиваясь к вешалке, она увидела товарищеский опят рядом с собой...

— А все-таки, — признался один из них, — вредная была девка... Воялась, должно быть, что язык откосячил, если скажет, чего хочешь от нее отец...

Трудно сказать, желает ли он подержать ее или сам ищет опоры. О старомодная галантность кавалеров, которые снимали пунжунок с рукава своей талии...

Преступно поддерживать очарование гробницы как нечто самоцельное, — говорит она, — только умирающий класс испытывает наслаждение, вдыхая запах мумии и пробирала истлевшие лоскуты шелка...

Пролетариат не хочет играть ни старинными мехальдами ни четками св. Франциска. Он хочет играть в теннис и футбол. Можно ли просто восхитаться тончайшими узорами бирюзовых кошелев...

Храню в своей душе все, что когда-либо было, — говорит Шатерников: — из воспоминаний пряную тонкую нить вечности...

— Храню в своей душе все, что когда-либо было, — говорит Шатерников: — из воспоминаний пряную тонкую нить вечности...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

Прощай, мое время, когда я смотрела на нее, как на нечто, вне меня лежащее. Прошло то время, когда я тумала, что жизнь — это «якето в сером»...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

Они останавливаются возле розового дома, перед фасадом которого стоит ограда, как ряд копий, поднятых вверх...

— Зайдем, — приглашает Шатерников тоном, который свидетельствует о том, что перемена отношений ни в каком случае не должна явиться следствием неприятной ему дискусии...

Павел Свешников живет в самом конце двора, во флигеле, больше похожем на дворничью. Дверь снаружи открывается прямо в его комнату...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

— С тех пор, как я читаю популярные брошюры по диамату, — спокойно отвечает Ксения: — я имею в руках ключ, при помощи которого старое расширяет свое прошлое...

Отрывок из романа

Жена уходит в свою комнату, чтобы поплакать. Домашняя работница надевает малиновую шапочку и бежит в Торгсин...

Она выдвигает ящики комода — они пусты. Она открывает шкаф — там висит одно только платье. Она смотрит на него...

Ворох ярких лоскутьев бросается ей в глаза. Треугольные кусочки, пестрые, как на баллоне арлекина. Когда-то, поившись своей причудливой фантазией...

Почти каждое событие ее жизни отмечено куском ткани. Она видит белый ситец, осыпанный цветными горошинками чистых тонов...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

Отрывок из романа

Жена уходит в свою комнату, чтобы поплакать. Домашняя работница надевает малиновую шапочку и бежит в Торгсин...

Она выдвигает ящики комода — они пусты. Она открывает шкаф — там висит одно только платье. Она смотрит на него...

Ворох ярких лоскутьев бросается ей в глаза. Треугольные кусочки, пестрые, как на баллоне арлекина. Когда-то, поившись своей причудливой фантазией...

Почти каждое событие ее жизни отмечено куском ткани. Она видит белый ситец, осыпанный цветными горошинками чистых тонов...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

— Сядь, Сашенька, — просит его Свешников, — на все воля божья. В эту самую минуту верь снаружи открывается; и Зоя Викентьевна появляется на пороге...

„ЛЮДИ ПЯТИЛЕТКИ“

Никто из выступавших на первом широком совещании писателей и ученых, сованном редакцией книги «Люди пятилетки» 9 июля в Доме советского писателя, не склонен был преуменьшать значение инициативы А. М. Горького, выдвинувшего идею создания этой книги. Решительно все (А. Толстой, акад. Фрумкин, В. Инбер, С. Бударин, В. Луговской, А. Эфрос, Е. Габрилович, К. Зелинский, А. Митрофанов, А. Барань, В. Завури) отдали себе ясный отчет, что речь идет о некоей грандиозной художественной энциклопедии, назначенной показателем в глубочайших обобщениях великую эпоху социалистического строительства, ее людей, все комплекс ее общественных, экономических, политических, бытовых и моральных взаимоотношений.

Но как реально приступить к осуществлению этой задачи, какие организационные и творческие принципы должны быть положены в основу всей работы, каков должен быть характер этой исключительной по своему размаху книги — этого никто еще не в состоянии уяснить себе со всей ясностью. По мнению большинства участников совещания можно было судить, что кое-кто, даже учитывая масштабы работы, обнаруживает трудности к механическому заимствованию тех принципов коллективного сотрудничества, которым обязана своим возникновением книга «Беломорско-Балтийский канал». Некоторых смущает отсутствие точного и определенного плана работы, плана, который должен, по их мнению, явиться своего рода страховкой от опасностей — утонуть в безбрежном море проблем, выдаваемых нашей действительностью, прозвучали и такого рода наивные вопросы: обязан ли писатель, включившись в работу по созданию книги о «людях пятилетки», целиком уйти в эту работу или позволительно будет ему поддерживать и в эти дни «приватные отношения» со своей музой?

Не приходится, конечно, удивляться тому, что, собравшись в первый раз для обсуждения столь сложного вопроса, многие участники совещания вынуждены были двигаться «на ощупь»: еще меньше приходится удивляться тому, что самый вопрос о будущей книге не был поставлен и рассмотрен в отрыве от общих проблем советского литературного движения.

В этом целомом слушала тов. Н. И. Бухарин, сумевшего в своих выступлениях на совещании остро, темпераментно и убедительно поднять целый комплекс вопросов глубоко принципиального порядка и внести ясность в ряд положений, не в силу заумных стараниями некоторых участников.

В первую очередь т. Бухарин настаивает на привлечении лишь тех писателей, которые будут рассмат-

ривать работу над книгой о «людях пятилетки». Не как своего рода «принудительный ассортимент» к своей основной работе. Нужны люди, которые идут в силу органических внутренних побуждений, творческих влечений — тогда им не придется раздвигаться, отбывать общественную нагрузку, а затем искать «отдохновения» в тиши своих кабинетов. От этого выиграют и писатели и книга.

Но не следует слишком обольщаться. Не следует думать, что попытка дать первый художественный синтез социалистического строительства может оказаться совершенной. Смешно допускать, что можно уже сейчас разработать до мельчайших деталей какой-то план — и ему следовать. План этот созреет, окончательно сложится лишь в процессе самой работы: покамест важно наметить основные линии, точно уяснить себе цели, задачи, которые мы себе ставим.

А цель эта — в том, чтобы создать книгу больших художественных обобщений. В ней должна быть наша жизнь во всех ее разрезах, во всех ее трансформациях, во всем ее огромном общественном единстве и молекулярных процессах, причем все это не должно быть расклассифицировано по группам, номерам, личкам, а должно представлять в своем взаимодействии, как динамическое целое. Работа над этой книгой должна явиться одновременно и великим испытанием и огромной школой для писателей. Она ставит перед ними задачу преодоления многих недостатков, коими еще продолжает болеть наша литература.

Главнейшим из недостатков, — подчеркивает т. Бухарин, является провинциализм нашей литературы, ее ограниченность во времени и пространстве. Дают ли даже лучшие произведения художники жизнь во всех ее связях и опосредованиях, имеются ли в их книгах те повествования, параллели, проекции в будущее, то множество тончайших, неуловимых намеков, которые придают произведению классиков неуязвимый аромат, делают их такими вечными спутниками? Конечно, нет.

Чем объясняется это отставание? Тов. Бухарин обещает подробнее остановиться на этом вопросе в своем докладе о советской поэзии на Всесоюзном съезде писателей. Пока же он считает нужным остановиться всего лишь на некоторых причинах, тормозящих развитие советской литературы.

Одной из них является неажитное еще до сих пор понимание теории «социального заказа». Многие и поныне расширяют это понятие, как призыв к немедленной фиксации всех возникающих на горизонте явлений, к изложению едва ли не каждого нового правительственного решения языком баллад и сонетов. Надо покончить с подобным вульгаризаторством, и разяснить раз и

навсегда, что художник не может в не дождь переключаться каждый раз на новые задания, как оперативный работник райкома. Мы должны требовать от художника целенаправленного отношения к своему творчеству: он должен вынашивать свою тему, углубленно, всесторонне продумывать ее, неустанно накапливать те наблюдения и знания, которые помогут ему эту тему разрешить. Писатель должен научиться уважать своего читателя, культурно растущего с каждым днем: иначе последний будет искать удовлетворения своих запросов у художников другого типа (не показателем ли, например, факт, происшедший в глаза И. Эренбургу во время его недавнего посещения Горьковского автозавода? — факт положительного увлечения рабочей молодежи завода Боненным, стихи которого переписываются буквально в сотнях экземпляров?).

Тов. Бухарин иронизирует над писателями, возлагающими все свои надежды на бригадные методы работы по осуществлению книги, чрезмерно преувеличивающими значение организационного момента в этой работе и думаями, что все зависит от того, как поведет себя бригадир, а не от содержания книги.

Основная работа должна свестись к глубокому изучению действительности и к расширению своего собственного культурного кругозора. — Увы, констатирует т. Бухарин, как часто это есть кругозор «семинариста» от советской литературы! Есть ли у нас писатели, которых можно было бы по объему их знания, по уровню культуры, по жалкому интересу ко всем достижениям человеческой мысли хоть в какой-нибудь мере сравнить с Пушкиным? А ведь задача перед этими писателями стоит небывалая: отразить эпоху, подобной которой не знала история человечества!

С кратким сообщением о первых стадиях работы по созданию книги, о характере предполагаемого издания выступил т. Коробельников. Он подчеркнул, что являясь, поступающие до сих пор от ряда писателей — Е. Габриловича, Е. Галина, Б. Есенина, И. Катаева, Н. Паустовского, В. Инбер и др. — свидетельствуют о том, что никому из этих писателей не приходится отказываться от своей, органической для него темы, так как она вполне отвечает общему замыслу книги. Целый ряд мероприятий будет осуществлен для того, чтобы помочь этим писателям собрать и проработать необходимый материал.

В частности, будут организованы специальные дискуссии, обсуждения, а также встречи с крупнейшими представителями нашей общественности и науки (т.т. Носаревым, Праньком, Юриным и др.).

В заключение т. Коробельников огласил чрезвычайно интересное письмо А. М. Горького к редакции «Люддей пятилетки».

А. ЗИДЕЛЬМАН.

9 июля на «Шарикоподшипнике» № 1 им. Л. Кагановича, в новом специальном помещении, открылась заводская библиотека.

В день открытия библиотеки состоялась встреча рабочих и писателей завода с Ильей Эренбургом. Беседа рабочих с писателем была посвящена широкому кругу вопросов, связанных с общим ростом советской литературы и творчеством отдельных писателей. Молодежь отметила, что такие книги, как «Поднятая целина»

М. Шолохова, «Цусима» А. Носкова-Прибыля и «Человек мненет кожу» Бруно Явского пользуются среди рабочих и ГПЗ большим успехом. Обменявшись мнениями о последнем романе И. Эренбурга «День второй», участники встречи признали эту книгу безусловно ценной, заслуживающей большого внимания читателей.

НА СНИМКАХ: слева — у витрины, посвященной первому всесоюзному съезду писателей, справа — И. Эренбург беседует с рабочими-читателями.

ЛИТЕРАТУРА В ПОЛЕВОМ СТАНЕ

РОСТОВ-ДОН. По инициативе начальника политотдела Советской МТС Т. Орехова в полевых таборах колхозов в обеденные перемены и по вечерам проводились чтения лучших художественных произведений. В колхозе «Реввоенвет МВО» в групповую читку «Поднятая целина» участвовало 50 чел. В индивидуальном порядке прошли это произведение 32 колхозника. В 5-й бригаде этого колхоза «Поднятую целину» читают в четырех группах. В ряде колхозов, в бригадах читают «Дубровского», Пушкина, «Разбер» Ставского, «Цапаев» Фурманова, «Тихий Дон» Шолохова и «Деловый поток» Серафимовича. Книжки читаются с огромным интересом. Знатные люди колхозов — лучшие бригадиры, трактористы, а также молодежь сейчас уже не только являются рядовыми читателями и слушателями, но и организаторами коллективных чтений.

Сочинения А. А. Пароняна

ГИХЛ предприняло издание собрания избранных сочинений армянского классика А. А. Пароняна. Ни один из произведений Пароняна до сих пор не переводился на русский язык, между тем он имел огромное влияние на армянскую литературу. В собрание войдут следующие произведения Пароняна: повесть «Высокие погромы», комедия «Брат Балтасар» и фрагменты из «Прогноза» по кварталам Стамбула, «Национальные столпы», «Смех» и др. Собрание переводит Я. Хачатурян и иллюстрирует художник А. Ноджян. Перевод будет предосан обстоятельный критический обзор творчества писателя.

ПЕРСИДСКАЯ СТАНКОВАЯ ЖИВОПИСЬ

ТИФЛИС (наш корр.). Центральный музей искусств в Тифлисе выкупает оригинальный альбом «Персидская станковая живопись». Альбом в красках с текстом на русском, французском и английском языках. Альбом дан в печать московской типографии Гознака.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА „СОВРЕМЕННОК“

Последние два года для театра «Современник» в Яхонтова были годами творческого кризиса. Преодолением этого затянувшегося кризиса является последняя работа театра — спектакль «Цусима» по Новикову-Прибылю, открывающий новую страницу в биографии молодого коллектива «Цусима» — спектакль во всех отношениях необычный для «Современника». Во-первых, в нем участвует не один, а шесть актеров. Это одно уже достаточно необычно для «Современника», в котором все привыкли видеть театр одного актера, и чрезвычайно показательно для характера и внутренней эволюции. Во-вторых, «Цусима» — спектакль большой театральной формы и большого социального содержания, спектакль красочный и эмоциональный и вдобавок выдержанный в единой строгой реалистической манере. Поворот от сугубо камерных, стилизованных, рафинированных работ прежних лет, действительно, огромный.

Но неправильно было бы думать, что «Цусима» это конец старого и начало нового, конец старого камерного «Современника» и начало какого-то нового, совсем иного «Современника». Нет. Пожалуй, это конец лабораторной, школьной, студийной работы театра и начало его существования как театра в собственном и полном смысле этого слова. Ни от какого прошлого Яхонтов не отказывается, не отмежевывается ни от какой из своих прежних работ, наоборот, на фундаменте этого прошлого, на базе прежних работ он строит сегодняшний день своего театра, заново переосмысливая и переосмысливая богатство накопленного им приемов. В этом смысле «Цусима», несмотря на свою внешне несхожесть с прежними работами театра, вполне органично и естественно продолжает и развитие всех утвержденных ранее Яхонтовым принципов построения спектакля. Как только проходил первоначальное удивление от необычной формы спектакля, видишь, что спектакль неидеал и насквозь яхонтовский и в чем-то даже, может быть, более яхонтовский, чем все старые работы мастера.

Новизна и необычность этого спектакля еще в том, что сам Яхонтов, актер, на втором плане. Режиссерский рисунок, в котором образы, создаваемые остальными актерами, столь же рельефны и столь же выделены, как и его образы (Яхонтов играет батяню Новикова и адмирала Рождественского), подчиняет себе все выразительные сред-

ства спектакля, в том числе и актерскую индивидуальность Яхонтова. Творческий кризис «Современника», счастье разрешившийся «Цусимой», во многом был кризисом актерского мастерства Яхонтова, ищущего своего места в узких границах камерного жанра равновесного монолога, чем по существу являлись все прежние работы Яхонтова. Расширение труппы и вся реконструкция театра «Современник» — это смелая попытка выйти из состояния кризиса.

Педагогический инстинкт Яхонтова-режиссера заставил его отодвинуть в «Цусиме» Яхонтова-исполнителя на второй план. Конечно, яхонтовский талант отличает его и здесь, но будучи первым в спектакле, Яхонтов в нем — первый среди равных.

Как исполнителем Яхонтов в «Цусиме» крайне прост и непретенциозен. По стилю его игра в «Цусиме» ближе к стилю его работы в «Левяковском», тем к его классическим постановкам.

Недостатки Яхонтова как актера — малая эмоциональность и какой-то чрезмерный, слишком расчётливый интеллектуализм. Лиризм в работах Яхонтова всегда даётся не через актерское исполнение, а через режиссерский прием (музыка, поэзия, монтажные столкновения текста). Вся эта гипертрофия рационализма, отравляющая лучшие работы Яхонтова, в «Цусиме» на сцене актерского мастерства перекладывается по своему назначению в сферу мастерства режиссера, и уже в этом большая победа Яхонтова над самим собой. Яхонтов-актер и Яхонтов-режиссер, бывшие всегда неразделимыми, в «Цусиме» впервые поделили свои функции, и хотя «Цусима», кажется, первый спектакль «Современника», подписанный Яхонтовым как постановщиком (сорежиссер Кисинюк, художник Зотов), как раз в этом спектакле меньше всего Яхонтов-режиссер и Яхонтов-актер мешают друг другу.

Эпический материал Новикова-Прибыля послужил «Современнику» поводом для создания спектакля большого социального пафоса.

Новый спектакль театра «Современник» — победа во всех отношениях, начало нового этапа в жизни театра. Железу театру достойно продолжать это начало.

А. Л. ГЛАДКОВ.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ „РЕЗЦА“

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Исполнилось 10 лет первому в СССР массовому журналу пролетарской литературы «РЕЗЦА». Журнал и творческая группа «Резец» объединили анти-начинающих рабочих-писателей города Ленина. Здесь с инициативой А. Прокофьева, Д. Лаврухина, А. Черненко, Д. Остров, А. Чистяков, И. Уксусов, П. Капица, В. Пошеконов и др. Редакция «Резца» получила приветствия ВЦСПС, Ленинградского оргкомитета писателей, заводских организаций.

Т. Н. Самсонов — директор Межрабпомфильма

Директор Межрабпомфильма вместо Т. Бабицкого назначен тов. Т. П. Самсонов. Тов. Самсонов принимает активное участие в революционном движении с 1906 г., дважды подвергается арестам и вымрутыванию в Англию. С 1919 г. Т. Самсонов член ВКП(б) и занимает ряд ответственных постов на фронте, в органах ВЧК—ОГПУ, в ВСИХ, в ЦК ВКП(б), где он работает управляющим делами и одновременно заведует учетным столом ЦК. Тов. Самсонов был введен в состав специальной комиссии ЦК ВКП(б) по вопросам кинематографии и принял активное участие в ее работе. За боевые заслуги Т. Самсонов награжден орденом Красного знамени. Тов. Самсонов автор ряда статей и очерков. Им выпущена книга «Вне закона».

Книжная витрина

- Рыленко, полное собрание сочинений — редакция, вступительная статья и комментарии А. Цейтлина.
- Настоящее издание впервые включает в себя всю литературную продукцию поэта-декабриста: его поэзию, прозу, критические статьи, черновые фрагменты, планы и пр. Помещены в книгу также письма Рыленова, впервые публикуемые без всяких сокращений.
- Готфрид Келлер, «Повести и рассказы» (перевод и вступительная статья С. Андрианова). Келлер — выдающийся представитель немецкой литературы XIX в., один из крупнейших представителей реалистического течения, отразивший в своем творчестве жизнь, быт и общественные движения немецкой Швейцарии (родины писателя).
- Вс. Иванов, «Длинные люди». В сборник войдут следующие рассказы: «Дитя», «В. Манников и его работы», «Вамбуковая хитина», «Жизнь Смокотиной».
- «Скандинавские саги» — перевод и предисловие Б. Прхо. Первый выпуск содержит «Волсуг-сагу», наиболее полный вариант знаменитого сказания о Нибелунгах.
- Повесть Геннадия Гинзбург «Падение Кимас-озера» вышла в издательстве писателей в Ленинграде с иллюстрациями худ. Е. Кибрика.
- Издательство писателей в Ленинграде выпустило книгу А. Гарри «Планина на Олимпе».
- Ленинградская «Молодая гвардия» издала книгу рассказов Д. Острова.

ПИСАТЕЛИ В КИНО

- Илья Эренбург будет писать для Межрабпомфильма сценарий о строительстве социалистического индустриального гиганта.
- К. Паустовский работает над сценарием «Молхиды» о советских субтропиках.
- А. Адринозов будет писать для Межрабпомфильма сценарий «Девушка».
- А. Толстой приступает к работе над сценарием по своему роману «Петр I». Сценарий делается для фабрики Ленфильма.
- К. Чуковский делает для Межрабпомфильма сценарий детской фантастической фэнтези «Господод».
- Сценарий Соколова-Миникова «Путь карибы» (отрывок без названия в «Д. Г.») в работе ЭПОИ, созданный им на фабрику Белогозья, передан для режиссерской разработки режиссеру Ю. Тарчу, который будет ставить фильм. Оператор — А. Капальцкий.
- И. Бабель делает для Украинфильма сценарий на фомы Багряцкого «Дума про Опанаса».
- Б. Пинский пишет для Межрабпомфильма сценарий «Волга» о социалистическом строительстве на Волге.
- Для фабрики Ленфильма писатель Заболоцкий делает сценарий детского фильма по известному роману Распе «Приключения Мюнхгаузена».
- Л. Никулин будет писать для Украинфильма сценарий «Полет Валькирии» о немецкой интервенции на Украине.
- В. Лавренев будет делать для Украинфильма сценарий большого фильма о воено-морском флоте.
- Драматург Мулла Насреддин делает для Азербайджанфильма по последней пьесе «Ополар» («Мертвец»).

ПОПРАВКА

Конеч первого абзаца шестого столбца статьи А. Лейтеса «Пушкинские в Индии» (№ 86) следует читать: «оказался вынужденным допустить временное развятие некоторых отраслей индустрии в Индии».

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25. Дом Герцена. 3-й этаж, топ. 1-30-63 и 2-30-12. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрелецкой бульвар, 11, топ. 4-68-16 и 5-51-66.

СПОР В ГРОЗНОМ

А. Кучина не сумела, что это книга «Стодневный бой» не явилась как явное злодеяние. Он смело вникнул в нее, горю в издательстве — Грозненскому горсовету. Мы не знаем, по какой графе пострадавший издатель списал в расход 6.000 руб. А автор перекладывает на издательство. Он уговорил редактора многотиражного завода «Красный молот» т. Байдова почитать его подвал «Четырнадцатый месяц» — продолжение книги «Стодневный бой».

Дрожь берет читателя этого отрывка: партизанское движение показано как сплошное кровавое побоище. А отрыв? «Дни идут в осколки минут», «спешащие смуглые лица мигают — курган охвачен шепотом преследя», «застрелан пулемет по казавшей опрокинутой палубе», «зевнула орудие»...

«Красный молот» вообще не от каждого автора требует знать смысл слов, которые тот употребляет. Вот, например, цитата из произведения И. Полякова: «Крупными шагами, одеваясь ночными сумерками и через весь заводской двор, Гавришка торкался топан к большому деку».

Теперь ясно. Открываешь за аину автобусное чувство. Ужас, жидкий. Иногда в роту удрывает бредовая фантазия. Мир и мирки выгудей: как-то больше, чем есть. Кое-что мешается в представлениях. Дает себя чувствовать любовь».

Красная комсомольская газета «Молодой ленинец» по торжественным дням также печатает стихи и рассказы очень низкого качества. Культурный уровень авторов иллюстрирует такие факты, как-то, что у поэта убитые у него почему-то «артасты в бумажки», а полковник ублажается «судручнейной похвалой». Протокольный критик Ан. Паляга начиняется так: «Если вы на минуту сделаете отступление от действительности, то, подвывая к бригадному ступу, выслезает комсомольский бряцан Палягина, прежде всего будет пораныи обилием зелени».

Редактор «Молодого ленинца» М. Осипов не только в газете покровительствует подобным упрямлениям. Он же редактировал сборник стихов Дм. Осина, который пришлось издать как халтуру.

Наконец, в областной газете «Прозвонил рабочий» появился обзор, посвященный этим литературным забавникам. Однако редактор «Молодого ленинца» т. Осипов резко выступил в защиту задетых авторов. Он ответил двумя статьями, построеными на режках и грубых выпадах. Он заметил только «забавность и глумление» над неудачными выражениями и называет обзор объективно газету «журнально-газетным упрямлением».

Уполном. Главлита В-84200.

Научные библиотеки — съезду

Оргкомитет ССР и ЦБ ССР обратили ко всем научным библиотекам и их работникам с предложением принять активное участие в подготовке к всесоюзному съезду писателей. Научным библиотекам и местным оргкомитетам рекомендуется провести встречи писателей с библиотекарями работниками и учениками, составить читательские конференции научных работников для обсуждения наиболее актуальных в данных условиях произведений, выданных из книг, наиболее интересующих данную читательскую группу, и записать наиболее характерных высказываний (в частности о таких книгах, как «Поднятая целина» Шолохова, «Капитальный ремонт» Соболева, «Петр I» А. Толстого, «Похитители Европы» Федина, «Цусима» Новикова-Прибыля, последние произведения Касояна, Паустовского, Зощенко, Александрова, Гихонова, Галалова, Филкина и др.); рекомендовать также провести индивидуальные опрос крупных ученых и специалистов и отобрать наиболее интересные отзывы для печати, организовать ряд специальных выставок, вечеров и дискуссий, посвященных всесоюзному съезду писателей, и т. п.

Однотомник Чехова

«Академия» выпускает в ближайшем или однотомник рассказов А. П. Чехова на крестьянской жизни («Мужики», «В обрете» и др.). В сборнике помещены статьи И. Теодоровича

«Чехов и крестьянство» и И. Ежовича «Мужик в изображении Чехова». Иллюстрации художника В. Навашкина.

Критик суровый и прощательный скажет.

— Я поражен. Вот именно, я поражен. Выросшие в революцию, они, казалось бы, должны стоять к своему времени ближе своих старших братьев. Между тем это явный шаг назад, если говорить о тематике. И согласен, среди участников выставки много способных, а то и прямо талантливых людей. Но куда все это направлено? Мы привыкли к тому, что каждая выставка приносит нам все больше и больше позитива, отражающих трудовое напряжение страны. Где же здесь все эти индустриальные пейзажи, эти парадные новы городов, колхозные стелы, фабричные зарисовки? Скучно, очень скучно откатывалась молодежь на требования времени.

Так ли? Но будем терпеливы. Нет ли других веских соображений у нашего строгого собеседника?

Оказывается, есть. Ему не нравится, что в нем, односторонне. Однообразие относительное, разумеется, потому что, как и следовало ожидать, на выставке влияние не так разнообразно, как в залах выставочных павильонов. А при взгляде на одну стену кажется даже, что воскрес «Бубновый валет». Но эта стена — исключение. Авторы же полонят на

всех прочих стенах, самобытны они или подражательны, но каждый на свой лад. Трудно, почти невозможно «обединить» их в группы. Эта минимальная восторженность и создает в сущности однообразие, кажется ему.

Да полно, правда ли это? Но по термин ем, теперь захотел малость. Может быть, что-нибудь сумел добавить критик строгий и прощательный?

Нет, больше ничего. Разве только вот такая мысль появилась у него. Он просовывает свою руку под локоть нам и приближает губы к нашему уху. Это не для печати, он остергается вводить это в будущую рецензию, но позволить спросить: неужели не знает они чувства любви? Им же по 25 лет в среднем, эти художники. Почему же нет на выставке каких-нибудь нежных пар, может быть, или обиделись, или даже обидели? Дело не в строгости критика, он знает точно: просто такого рода сюжеты не были предложены. Как хотите, это несестенно...

Молодые вглядываются в мир

Больше терпеть не станем. Ответим по пунктам. Индустриальная пейзажная живопись — это не искусство, это не поразит облик. Вероятно потому, что глаз молодого художника воспринимает их как обособленное сугубо привычное и естественное. К тому же там, где они давят, вытесненные пейзажи составляют чаще всего фон. А на этом фоне — человек.

В нем-то все дело. Нам кажется, что при всей понятной неадекватности, при всех ее недостатках, выставка молодых художников — это новое искусство. Но если правда, что драгоценнейшее завоевание пятилетки — это безмерно выросшие строители, — это правда, — то молодые художники поляют эту правду глубоко и органически. Пусть внимательный статистик подсчитает в процентах, каково отношение портретов на выставке ко всем прочим жанрам. Не стоит считать, видно из глаз. Портреты преобладают.

От человека идут молодые художники к любой теме. Строительство социализма, по кто его строит? И мы видим «Шахтера» Леванидова, «Рабочего» Штейнера, целую серию кубзавских ударников Левина-Нуренбергера, «Выдвиженца» Соколова, сталинградские портреты Лукмского, среди которых выделяется зрелищно выразительность «Плотник Бекетов» и «Директор Батяев», мы видим также «Колхозника» Старова, работы Рубинштейна, Баскина, Орловского, Молчанова, Устинова и многих других. Все многообразие людей нашей страны от ее бесчисленных героев до тайных врагов, все разнообразие это, увиденное жадными молодыми глазами, старательно запечатлено на полотне и бумаге, в дереве и гипсе. Особенно любовно написаны художниками их ровесники, эта молодая гвардия социализма, для которой революция распахнула все возможности, не оставя недостижимых. Вот они работают, вот они отдыхают и занимаются спортом. Кстати — это тоже ново — огромное ко-

личество рецензий на выставке посвящено яркому, народному, праздничному отдуху, ставшему столь обычным у нас. Так они живут, молодые. А вот их подруги, красивые и сильные, выписанные с нежностью, вполне очевидной, Хазановым, Руцым, Неверзиным и оляг многими другими. Это ответ на ваше замечание, товарищ критик, если вы прогледели полное срединного лиризма «У моря» Севердино. Но что, может быть, самое замечательное в тематике выставки, это — пафос материинства. В какой еще стране, в нашей стране, где любовь, не сковываемая помехами социальными, юридическими, бытовыми и пр., расцветает поистине невиданно, в какой еще стране могло бы появиться такое количество картин, прославляющих очаровательное материнство. «Мать» Шуркина — произведение, бесспорно, значительное и для не молодого художника. Далее следуют бесчисленные матери, младенцы, дети Павловского, Кашиной, Козловой и др.

А. СЕВЕРДИНО. «Совещание партизан».

Н. КАШИНА. «В доме отдыха в Абрамцево».